
ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ НАРОДОВ

У ИСТОКОВ БЕССАРАБСКОЙ АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ РОССИИ

В.Я. Гросул

Центр «История России в XIX в.»
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 115036

В статье рассматриваются истоки Бессарабской автономии в составе России. Автор исследует проблемы и особенности административного устройства Бессарабии, которая являлась важным политическим и стратегическим регионом для России.

Ключевые слова: Бессарабия, автономия, Молдавия, молдовенизация.

К началу русско-турецкой войны 1806–1812 гг. историческая Молдавия, то есть страна, достигшая своих пределов в конце XIV–XV вв., была поделена на четыре части. В 1775 г. в состав Австрии была включена ее Северо-Западная часть – Буковина, можно сказать, основа молдавской государственности, с первыми ее столицами – Сирет, Бая, Сучава. Еще задолго до этого османские власти начали отсекал от Молдавии один стратегически и экономически важный регион за другим. Этот процесс начался с 1484 г. и продолжался в дальнейшем. Непосредственно под руководством турецких властей находились рая по Дунаю и Черному морю, а также Хотинская рая, находившаяся на севере Пруто-Днестровского междуречья. В так называемом Буджаке были поселены ногайцы, подчинявшиеся Крымскому хану. К середине XVIII в. больше половины земель от Прута до Днестра уже в состав Молдавского княжества не входили, и турецкие власти в перспективе наметили соединение южных мусульманских районов с северными и превращение всего междуречья в турецкий пашалык.

Это намерение было пресечено русско-турецкими войнами, и уже после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. османской Порте пришлось уступить Молдавии часть центрального междуречья, получившего название Хотарничанский цинут.

Однако и после этого большая часть этой территории в состав Молдавского княжества не входила. Итак, четыре части – австрийская, турецкая, ногайская и молдавская – управлялись разными администрациями и по разным законам.

Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русские войска постепенно заняли как земли княжества, так и территории контролировавшиеся турками и ногайцами. Военные действия способствовали перемещению населения, и известно переселение молдаван в разные направления, в том числе и в Добруджу, где молдаване фигурируют не только в середине XIX в., но даже и в начале XX в. (1). Во время этой войны из междуречья было окончательно выселено мусульманское население и земли, ими занимавшиеся, поступили под руководство молдавского Дивана, во главе которого находилась русская администрация, управлявшая как Молдавским, так и Валашским княжествами.

В литературе уже хорошо известен документ, хранящийся в российском Министерстве иностранных дел, где 8 мая 1807 г. министр иностранных дел России А. Будберг сообщал главнокомандующему русской армией на Дунае Михельсону, что император Александр I одобрил его представление относительно рай Бендерской, Аккерманской и Килийской и «соизволяет, чтобы оные также, как и Хотинская, отданы были в управление молдавского Дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается...» (2).

Действительно, после того как на территории междуречья были прекращены военные действия, весь этот регион стал контролироваться русскими войсками и русской администрацией, во главе которой последовательно стояли русские чиновники С. Лошкарев, С. Кушников, а затем В. Красно-Милашевич. Непосредственное же руководство этими районами осуществлялось молдавским Диваном, назначавшего соответствующих исправников. Таким образом, молдавскому Дивану стали подчиняться и вновь созданные цинуты – Хотинский, Бендерский, Аккерманский и Томаровский, которые стали приносить в казну княжества и определенные доходы (3). Русским военным властям было запрещено вмешиваться в дела гражданского управления.

Примечательно, что инициатором перевода под управление молдавского Дивана бывших рая и ногайских поселений стало российское Министерство иностранных дел, поддержанное самим императором. Тем самым произошла молдовенизация этого края, явно соответствовавшая тогдашним взглядам российского правительства. Что касается внешнеполитических планов этого правительства, то они хорошо известны в литературе. Тогда Россия была не прочь присоединить как Молдавию, так и Валахию с сохранением их традиционного устройства и законов.

7 октября 1811 г., когда возобновились переговоры с турецкой стороной, М.И. Кутузов, представлявший Россию, писал турецкому представителю Ахмед-паше: «...мой государь постоянно выражал желание Дунай положить границею своей империи» (4). Собственно, еще 5 (17) января 1811 г.

Александр I предписывал тогдашнему командующему Молдавской армией Н.М. Каменскому: «Мир же заключить, довольствуясь иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды ни приличия» (5).

Однако война затягивалась, а опасность нападения на Россию армии Наполеона все возрастала и запросы российских официальных представителей на переговорах с Турцией становились все более и более скромными. Дело закончилось тем, что М.И. Кутузов, ведший переговоры с турецкой стороной до мая 1812 г., согласился на присоединение к России только одного Пруто-Днестровского междуречья. Историческая Молдавия, таким образом, с тех пор состояла из трех частей. Но именно это междуречье по территории стало наиболее значительным, обнимая площадь в 45, 8 тыс. кв. км, тогда как Молдавское княжество со столицей в Яссах имело площадь в 38 тыс. кв. км, а Буковина, главным городом которой стали Черновицы, только 10 тыс. кв. км.

Забегая несколько вперед, отметим, что к Бессарабии по Адрианопольскому миру 1829 г. будет присоединена также дельта Дуная и ее площадь станет еще более значительной.

Пруто-Днестровское междуречье в 1812 г. еще не имело своего главного города, и лишь несколько позднее им стал город Кишинев. Он им становится не без дискуссий, поскольку среди русских чиновников были такие, которые считали, что пальму первенства следует отдать Бендерам. Видный русский дипломат Ф.П. Пален даже составил специальную «Записку о преимуществе города Бендер перед Кишиневом» (6). Однако митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони, переехавший в новую провинцию уже в конце сентября 1812 г. (7) и устроивший в Кишиневе центр соевой епархии, привел более весомые доказательства в пользу Кишинева, указывая прежде всего на центральное его положение в крае.

Вообще в устройстве Бессарабской области митрополиту Гавриилу принадлежит весьма заметная роль, что уже давно отмечено в литературе (8).

По молдавским обычаям митрополит занимал по своему положению второе место после господаря, а при отсутствии последнего даже первое. То есть митрополит ведал не только церковными, но и светскими делами. Так оно получилось и при образовании новой области.

Среди представителей местного боярства не было фигуры более крупной и авторитетной, нежели митрополит Гавриил. Он стал основателем новой митрополии с центром в Кишиневе и способствовал ликвидации церковной чересполосицы в междуречье. Получилось так, что северные ее приходы подчинялись Рэдэуцкому епископу, центральные – Хушскому, а приходы южной части, управлявшиеся турками и ногайцами, подчинялись Проиловской епархии, не входившей в Молдавскую митрополию и напрямую связанную с Константинопольским патриархом.

После создания новой митрополии в Кишиневе все эти три части составили в церковном плане единое целое и, кроме того, ей подчинили приходы по левому берегу Днестра, южнее р. Ягорлык, в том числе и г. Тирасполь и

даже Одессу. Церковная унификация способствовала и территориальной унификации.

Таким образом, создается новая административная единица, над управлением которой задумались сразу после подписания Бухарестского мира 1812 г., тем более что в 1812–1830 гг. Бессарабия находилась между двумя таможенными и тем самым сформировался бессарабский внутренний рынок.

Изначально новые власти не собирались превращать эту новую провинцию в губернию, предполагая учесть местные особенности и состав населения. Было решено предоставить ей значительную автономию, которая привлекла внимание многих исследователей. Наиболее крупными работами по этой теме являются монографии А. Накко, А. Болдура и Я. Гросула, написанные в разное время и с разных позиций (9). Ей посвящен и ряд других исследовательских работ (10).

Причины создания бессарабской автономии, ее особенности, последующая ее ликвидация – все это нашло отражение в этих работах, где был также мобилизован значительный источниковый материал. Однако и сегодня, можно сказать, что имеется немало источников по этой теме, которые необходимо привлечь и, самое главное, эта автономия не изучена в плане истории молдавской государственности и в контексте других автономий тогдашнего времени в составе России.

Во время войны молдовенизация Пруто-Днестровского междуречья заметно усилилась, и на всю ее территорию были распространены как молдавские законы и обычаи, так и деятельность молдавской церкви. Эта сторона в предыдущих исследованиях как-то уходила на задний план или вообще не отмечалась. Во время войны и вскоре после нее местные бояре захватили 120 дес. земли. Это не считая того, что правительство России раздало боярам и русским помещикам – прежде всего крупным военным деятелям и видным чиновникам – значительные участки земли, нередко в несколько и более тысяч десятин (всего в течение 20 лет после заключения мира дворянам было пожаловано на юге Бессарабии 300 тыс. дес. земли). Если к началу XIX в. казенный земельный фонд был сведен к минимуму, то вскоре после 1812 г. только в Бессарабии он составил 1,5 млн дес. (11).

Чрезвычайно важное значение выселение мусульманского населения имело для жителей Центральной, да и Северной Бессарабии в плане их ограждения от беспокойных соседей. А. Накко, выходец из среды молдавских бояр, основательно изучавший историю края, говоря о жизни в молдавской части Бессарабии, писал: «...здесь жители находились еще в худшем сравнительно положении, нежели запрутские братья их, так как они имели соседями своими с севера турок, от которых избавились в начале войны, а с юга татар, кочевавших еще в буджакских степях. Соседство дикой азиатской орды делало жизнь этих жителей почти невыносимую, подвергая их, сверх внутренних насилий и грабежей, еще внешним нападениям разбойничьих шаек, загонявших скот и уводивших людей в неволю» (12).

После Бухарестского мира, когда в состав России вошла только Бессарабия, стал вопрос об ее административном устройстве. Кстати, Бессарабия была избавлена от фанариотского господства на 10 лет раньше, чем Запрутская Молдова, и это, конечно, имело для края позитивное значение. Задача ее управления была поставлена перед новым командующим русской армией адмиралом Чичаговым, который пришел на смену М.И. Кутузову.

В скорейшем наступлении Наполеона на Россию не было никакого сомнения, и этот фактор необходимо постоянно учитывать при оценке деятельности Чичагова. Прежде всего он способствовал отправке части русских войск навстречу Наполеону, а затем сам принял участие в непосредственных сражениях с французской армией.

При устройстве Бессарабии Чичагов должен был руководствоваться несколькими основными принципами. Как каждое крупное государство Россия проводила политику централизации и унификации. Но, включая в свой состав многочисленные народы и народности, она не могла не учитывать и местные особенности, не могла не стремиться к получению поддержки этих народов, особенно пограничных с теми странами, с которыми Россия вела многочисленные войны. Россия, стремясь к укреплению своего могущества, полагалась не только на силу своего оружия, но и на определенные дипломатические приемы, например, на свой внешнеполитический конституционализм, получивший изначально применение на греческих Ионических островах и проводившийся вплоть до начала XX в., завершившись реформами на греческом острове Крит (13).

Но кроме внешнеполитического имел место и внутривнутриполитический конституционализм. Он нашел отражение в Финляндии, Польше и других регионах России, особенно во время правления Александра I (14). Бессарабия рассматривалась как южная Финляндия, тем более что при ее устройстве использовался финский опыт, опыт северной провинции, вошедшей в состав России всего лишь за три года до Бессарабии (15). Ф. Вигель, хорошо знавший положение Бессарабии и одно время бывший ее вице-губернатором, еще в 1823 г. подчеркивал, что «Бессарабия имеет единство прав с Королевством Польши и великим Финским герцогством, которые имеют свое собственное политическое управление» (16).

Адмирал П. Чичагов осуществлял лишь общее руководство новой областью. 23 июля 1812 г., еще находясь в Бухаресте, П. Чичагов подписывает документ под названием «Образование временного правления в Бессарабии» (17). Тем не менее, в литературе первый официальный нормативный акт, касающийся новой российской провинции, датируют 2 августа 1812 г., когда он вошел в силу (18). Положение же об ее устройстве было поручено составить графу И. Каподистрия, уже имевшего опыт преобразований на Ионических островах и неплохо знакомого с положением в Дунайских княжествах. Он имел знакомых среди молдавских бояр и особенно был близок к С. Стурдзе и его детям Александру и Роксанде (19). Эту близость, конечно, нужно иметь

в виду, изучая те предложения, которые были выработаны русским дипломатом греческого происхождения.

Проект правил временного управления Бессарабской областью был подготовлен Каподистрия в самые кратчайшие сроки и уже в июле 1812 г., то есть через два месяца после подписания Бухарестского мира, был переслан Чичаговым в Петербург (20). Война с Наполеоном была в разгаре, еще не миновала угроза самому Петербургу, а в столицу России доставляется проект устройства новой окраины. Хотя мир с Турцией был заключен, новая война с ней не исключалась, и внимание к проекту И. Каподистрия было проявлено чрезвычайное. Не случайно он был вскоре поддержан, и уже 1 февраля 1813 г. Сенат постановляет учредить Временное правительство Бессарабии по гражданскому управлению. Это правительство должно было руководствоваться «Временными правилами», проект которых был подготовлен Каподистрия и подписан Александром I.

Именно в этих «Временных правилах» 1813 г. был официально применен термин «Бессарабская область», и Пруто-Днестровское междуречье получает статус не обычной русской губернии, а области с очень заметными, можно сказать, существенными особенностями. Практически сохранялась на среднем и нижнем уровнях старая, то есть молдавская система управления.

Область делилась на систему цинутов (уездов). В ее состав входило 17 городов и 693 сельских населенных пункта.

В 1816 г. число цинутов было 9.

Каждый цинут, как и прежде в Молдавском княжестве, состоял из околлов, своеобразных волостей, но более крупных по размеру. В околы входил ряд сел, также управлявшихся по прежним молдавским традициям. Цинуты возглавлялись исправниками из числа молдавских бояр, причем назначались на один год в соответствии с молдавскими традициями.

Таким образом, на нижнем и среднем уровнях никаких существенных перемен не произошло. Заметные изменения происходят на верхнем уровне управления. По «Временным правилам» сохранялось деление властей на военную и гражданскую, введенное во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Верховную власть представлял командующий русской армией на Дунае. Гражданскими делами должен был весть специальный гражданский губернатор. Что касается военного начальника, то ему подчинялись находившиеся на территории области воинские части и крепости. Военачальнику было запрещено вмешиваться в дела гражданского управления. Он должен был лишь оказывать в случае необходимости помощь гражданскому губернатору, в том числе и с применением военной силы.

«Временными правилами» предусматривалось также создание бессарабского областного правительства, которое должны были составить молдавские бояре и русские чиновники. Председателем этого областного правительства являлся гражданский губернатор, который ведал всеми делами внутреннего управления области. Само правительство состояло из Общего

собрания и двух департаментов, которые в свою очередь делились на три экспедиции. Уже название – правительство – говорило о многом и на уровне обычной русской губернии о нем не могло идти и речи.

Общее собрание состояло из советников департаментов и, проходя под председательством губернатора, занималось обсуждением и решением дел поступавших из департаментов, а также предлагавшихся непосредственно самим губернатором. Департаменты, в свою очередь, состояли из экспедиций. Так, в рамках первого департамента имелись три экспедиции – гражданских и судебных дел, уголовных и следственных, городской и земской полиции.

Из трех экспедиций состоял и второй департамент. Это были экспедиции статистики, финансов и торговли. «Временные правила» особо оговаривали привилегии молдавских чиновников из бояр. Соотношение советников из числа молдавских и русских чиновников предусматривалось в пропорции 7 к 5, то есть давало преимущество молдавским боярам.

Что касается ведения гражданских и уголовных судебных дел, то они должны были решаться в соответствии с местными законами и обычаями. Полицейские же дела предписывалось решать по законам Российской Империи. В Кишиневе и Хотине учреждаются полицмейстерства, призванные работать на основе общероссийских законов и непосредственно подчиняться гражданскому губернатору. В тех же городах, где имелись крепости (кроме Хотина), местная полиция находилась в подчинении комендантов этих крепостей (21).

Еще одна особенность центрального управления области заключалась в том, что ни одна из экспедиций не имела права принимать решения по тем или иным делам, подготавливая лишь соответствующие материалы и проекты. Решения принимались каждым департаментом по большинству голосов.

К особенностям «Временных правил» следует отнести и то, что дела в областном правительстве велись параллельно на двух языках – русском и молдавском, и в связи с этим каждый департамент состоял из двух канцелярий. Тяжебные дела предписывалось вести на молдавском языке. «Временные правила» также освобождали жителей края от всех государственных податей на три года (22), что должно было послужить компенсацией за невзгоды войны с ее постоями и военными поставками.

Таково основное содержание «Временных правил» 1813 г., первых основных законов Бессарабии, можно сказать своеобразной бессарабской конституции, хотя и носившей временный характер. Но они, в основном, действовали более пяти лет, до апреля 1818 г., когда Александр I подписал новый бессарабский статут под названием Устав образования Бессарабской области. Правда, заметные изменения во «Временные правила» были внесены уже в 1816 г., но они не поколебали главные установки «Временных правил».

Говоря о юридической стороне устройства бессарабской автономии, необходимо учитывать и ряд других документов, относившихся к устройству

Бессарабской области. Среди них особое место занимают специальные инструкции, направленные адмиралом П. Чичаговым первому бессарабскому губернатору С. Стурдзе. В них обращают на себя внимание как установки внешнеполитического характера, так и рекомендации внутреннего порядка, причем как собственно политического свойства, так и экономического. Бессарабия в соответствии с этими инструкциями должна была стать примером для балканских народов – молдаван, валахов, греков, болгар, сербов и других, ориентировавшихся, или, как там писалось, «привязанных к России». Этим же народам надлежало помочь и в переселении их в Бессарабию, которая, опять-таки, говоря словами инструкции, требует увеличения населения».

Инструкция Чичагова предписывала проведение специальных мер по усилению привязанности местного населения к России и «возбудить в жителях этой области любовь к родине и правительству». Здесь же предписывалось развитие школьного дела, торговли, а также использование ресурсов Бессарабии для организации продовольствия войск. Чичагов нацеливал губернатора также на проведение взвешенной политики в распределении должностей и строгой законности по отношению к местным жителям.

В сочетании с «Временными правилами» инструкции Чичагова составили важнейшую правовую основу формировавшейся бессарабской автономии. Автономия эта была автономией молдавской. Кроме нижнего и среднего звена администрации верхнее звено также сохраняло значительные, хотя и меньшие, элементы молдавской государственности. Не случайно в литературе отмечается, что областное правительство несколько напоминало молдавский Диван (23).

Если к этому добавить, что подавляющее число церковных приходов возглавлялись молдавскими священниками, которые вели службу на молдавском языке, а бессарабскую церковь возглавлял авторитетный митрополит Гавриил – последовательный поборник бессарабской автономии, то можно с полным основанием говорить о том, что изначально молдавские элементы в системе бессарабской администрации были достаточно значительными и, более того, преобладающими.

Не нужно забывать о том времени, когда шла война с Наполеоном, в которой приняли участие и многие молдаване (24), и не исключалось возобновление военных действий с Турцией. В этих условиях поддержка местного населения выходила на первый план, и не в интересах российского правительства было ухудшать его положение. Не случайно, среди прочего, местные жители на 50 лет освобождались от рекрутской повинности.

Однако между юридическими установками и реальным фактическим положением всегда есть отличия. Имелись они и в Бессарабии. Конечно, «Временные правила» продемонстрировали устремленность к наведению некоторого порядка. В учреждениях вводилась отчетность, налаживался определенный контроль за деятельностью чиновников, заметна была тенден-

ция к ограничению их произвола (25). Все-таки в России административная и судебная системы уже подвергались заметной модернизации, приблизившись к тогдашним европейским образцам. Здесь же ощущалось влияние османского господства и его порождения – фанариотской системы.

Во все время действия «Временных правил» и некоторое время после Бессарабия находилась в двойном подчинении у военных властей и Министерства иностранных дел, конкретно в подчинении у Каподистрия. Так продолжалось до 1822 г., когда он ушел в фактическую отставку и переехал в Швейцарию. 16 июля 1822 г. Каподистрия довел до сведения генерала И.Н. Инзова, что управление Бессарабией передается из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел (26).

Главное среднее звено – исправники, в подавляющем своем большинстве – молдаване, пользовались почти неограниченной властью. Еще А. Накко – один из первых исследователей бессарабской автономии – отмечал крайний произвол чиновников местного аппарата, не считавшихся ни с какими законами и рассматривавшими «вверенную им власть совершенно абсолютной» (27). Несмотря на то что местные жители были освобождены от налогов на три года, исправники продолжали их собирать и чудовищно обогащаться. За год своего исправничества они делали огромные состояния, тогда как народ испытывал заметные лишения.

Под стать им были и чиновники, находившиеся под их началом. В волостях (околах) имелись своеобразные чиновники – околаши, рекрутировавшиеся из местных бояр. В свою очередь околы состояли из примарий. В селах они управлялись капитанами де мазыль, а в городах – капитанами де тырг. Старосты также назначались исправниками из среды бояр второго или третьего разрядов или даже из мазылов – особой категории населения, находившихся по своему положению как бы между боярами и свободными крестьянами. Это была традиционная система местного управления, складывавшаяся многие годы. Взаимоотношения должны были строиться по обычному праву и в случае возникновения спорных проблем они осуществлялись в устной форме и на молдавском языке. Но хотя фанариотское господство было в Бессарабии упразднено, влияние фанариотской традиции продолжало сказываться.

Получив власть всего лишь на несколько лет, фанариотские господа стремились прежде всего к возмещению своих затрат, которые они понесли при покупке своего поста, и к получению дополнительной прибыли. Подобное положение наблюдается и в системе исправничества, на что обратил внимание приехавший несколькими годами позднее генерал П.Д. Киселев, назвавший исправников грабителями, платившими за свое место от 20 до 390 тыс. руб. (28).

Эта система предполагала прежде всего немедленное обогащение за счет местного населения. Произвол был характерной особенностью такого управления. Кроме того, в области действовала система откупов, приводив-

шая к созданию категории монополистов и тоже предполагавшая быстрое обогащение.

К этим особенностям местной жизни необходимо добавить и своеобразие момента. Россия была поначалу отвлечена на борьбу с Наполеоном, и после того, как он взял Москву, в Бессарабии стал настоятельно распространяться слух о том, что скоро возвратятся турки и татары и вернут свои порядки. Этот слух стал одной из причин массового выселения молдавских крестьян в Запрутскую Молдову, куда их усиленно приглашали бояре, имевшие там свои имения. Группа бояр из Запрутской Молдовы обратилась к Порте с просьбой присоединить Бессарабию к княжеству. Второй слух, который оказался более долговременным, заключался в том, что якобы будет иметь место закрепощение бессарабских крестьян. Слух также совершенно неосновательный, поскольку даже молдавские села по левому берегу Днестра запрещено было переводить в состояние крепостных. Часть из них включалась в разряд государственных, а во владельческих селах помещики строили свои отношения с крестьянами, перешедшими из Молдавии, на тех же основаниях, что и прежде. Выехавший в Бессарабию П. Свиньин предложил опубликовать официальное извещение о том, что местные крестьяне останутся вольными хлебопашцами (29).

Но эти два слуха сыграли свою роль, и тысячи молдавских крестьян начали переселяться за Прут (30). Дело приняло столь значительный оборот, что им заинтересовался сам император Александр I, который в рескрипте митрополиту Гавриилу писал: «Я хочу, чтобы сия плодородная страна ожилилась новою жизнью, и ожидаю того от усердия моего уполномоченного, и от единодушного содействия всех жителей Бессарабии» (31).

Однако лишь в 1817 г. наместник Бессарабии генерал-лейтенант Бахметьев получил возможность доложить центральному правительству об улучшении положения в Бессарабии, прекращении бегства крестьян за Прут и, более того, о намерении жителей Молдавского княжества переселиться в Бессарабию (32). Мощный поток переселенцев из княжества в Бессарабию последует уже в 1821 г., когда в него вошли турецкие войска. И с тех пор число переселяющихся из Молдовы молдаван постепенно превышало количество переезжающих туда, о чем свидетельствуют официальные данные III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Даже после объединения Молдовы и Валахии это отделение фиксировало миграции молдаван. Так, в 1867 г. в Россию прибыло 5329 молдаван, а выехало 105. В следующем, 1868 г., прибыло 9369, а покинуло 118 (33). Но кроме переселений молдаван имели место переселения и других народностей. Перемещение мусульманского населения, занимавшего значительные пространства величиной в половину Пруто-Днестровского междуречья, привело к заметному обезлюдению региона. Даже Пушкин, прибывший в Кишинев в 1820 г., писал о пустынной стране, но священной для души поэта.

Подобное впечатление испытывали и другие путешественники, впервые попавшие в Бессарабию. Поэтому вопрос заселения края, особенно сразу после 1812 г., был одним из важнейших. Переселения отмечены еще во время войны 1806–1812 гг. Переселялись русские старообрядцы, болгары, гагаузы, и вскоре возникли проблемы их взаимоотношений с местными, пока еще сосуществовавшими с молдавскими властями.

Кушников, председательствовавший тогда в Диванах княжеств, изыскал колонистов из-под управления молдавских исправников и руководство ими поручил специальным русским комиссарам, которые занимались их устройством в местных условиях. П.И. Багратион в то время, когда был главнокомандующим русской армии, отдал распоряжение о том, чтобы переселенцы были освобождены от несения налогов и повинностей (34).

А в то время, когда главнокомандующим армией на Дунае был М.И. Кутузов, задунайские переселенцы «испрашивали особого управления, чтобы не быть в подчинении своекорыстных местных исправников» (35). Кутузов, в свою очередь, гарантировал им свою поддержку, но с его отбытием обещания эти никак не выполнялись. Дело дошло даже до того, что молдавские помещики предприняли попытку превратить болгар и гагаузов в феодально-зависимых крестьян (36). Колонисты обратились за содействием к российским властям, которые предприняли соответствующие меры, закончившиеся изданием специального Указа об устройстве колонистов 1819 г. На особом положении оказались и колонисты-немцы, начавшие переселяться в Бессарабию в 1814 г. Таким образом, получилась своеобразная автономия в автономии. Поэтому по мере увеличения переселенцев проблема местного и областного управления все более обострялась.

Бессарабия находилась на одном из важнейших направлений внешней политики России – балканском и нуждалась в основательном укреплении своих границ на случай новых войн с Турцией и, возможно, с Австрией. Поэтому ее заселение носило еще и стратегический характер. И в этом было одно из важнейших ее отличий от Финляндии. Финляндия сохранила свою автономию до 1917 г., тогда как Бессарабия ее потеряет в 1828 г.

Собственно проблемы управления областью возникли с самого начала установления автономии. Первый гражданский губернатор, молдаванин по национальности, С. Стурдза, поддерживаемый митрополитом Гавриилом, всячески отстаивал автономные права области. На его стороне была довольно сильная группировка бояр и представителей духовенства. Но с самого начала в области имелась и другая группировка, ориентированная на генерала Гартинга – военачальника области. Вторая группировка ратовала за сужение автономии и даже ее упразднение и введение общеимперских законов, то есть превращение Бессарабии в обычную губернию. Уже 17 июня 1813 г. царским указом губернатор С. Стурдза был снят с должности по старости и недостаточной распорядительности и начальником области назначен генерал Гартинг. Таким образом, он сосредоточил в своих руках как во-

енную, так и гражданскую власть. Казалось, что автономия Бессарабии обречена на ликвидацию, тем более что Гартинг с самого начала предложил путь дальнейшей централизации и унификации. Однако и оппозиция не дремала. Даже лишившись поста губернатора, она продолжала борьбу. В 1814 г. она через митрополита Гавриила обратилась с рядом прошений к императору, в Комитет министров и в Государственный совет. Ее представители просили сохранить законы области, их права и привилегии, уравнивать в правах с российским дворянством, дать возможность митрополиту быть их председателем и первым судьей и «дать гражданского правителя сей области из природных молдаван». Кроме всего прочего, они настаивали на пересмотре «Временных правил» 1813 г. по причине того, что они «не соображены обстоятельно с силой правил и обычаев земли» (37).

Сторонники автономии требовали еще большего усиления молдавских начал в управлении областью, а Гартинг и его группа отстаивали прямо противоположные принципы. Борьба продолжалась. В связи с этим 21 февраля 1815 г. в Петербурге создан специальный комитет по составлению новых правил для управления Бессарабской областью. Эти правила были вновь подготовлены И. Каподистрия и предполагали создание в Бессарабии наместничества. Гартинг был уволен в начале 1816 г., и бессарабским губернатором стал грек Калагеоргий, знавший молдавский язык. Наместником Бессарабии был назначен в том же году генерал-лейтенант Бахметев. Автономные права области несколько урезаются, но в основном сохраняются.

В рескрипте, направленном Бахметеву 21 мая 1816 г., в котором сообщалось о его назначении наместником, Александр I подчеркивал необходимость в будущем иметь в «Бессарабии особое областное образование, согласное с коренными ее законами, и ее нравом и обычаями, достаточное к обеспечению прав и преимуществ, принадлежащие каждому сословию жителей...» (38).

Интересно, что император направил также и специальное письмо митрополиту Гавриилу, где подчеркивал свое намерение установить в Бессарабии такую гражданскую администрацию, которая бы соответствовала его «правам, обычаям и законам» (39).

Учреждение наместничества не привело к упразднению бессарабской автономии, сохранившей по-прежнему свой молдавский характер. Этот по-преимуществу молдавский характер автономии предполагалось сохранить и при последующей реорганизации управления области, работа над которой велась в 1816–1818 гг. и в чем активное участие принимал созданный в июне 1816 г. временный комитет. В комитет входило 10 членов из молдавских бояр и двое – Крупенский и Юшневский, назначенные от правительства. Председателем комитета являлся гражданский губернатор Калагеоргий, находившийся в непосредственном подчинении у Бахметева (40). Уже такой состав временного комитета свидетельствовал о намерении правительства сохранить автономные начала области. Так оно и

произошло при введении в действие Устава образования Бессарабской области специальным рескриптом Александра I 29 апреля 1818 г., во время посещения им Бессарабии.

Но как можно было заметить и до этого Устава – новой своеобразной бессарабской конституции, более пяти лет в области сохранялись довольно значительные элементы молдавской государственности. Не случайно о них вспомнили и в 1905, и затем в 1917 г., когда встал вопрос о создании Молдавской республики (41).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Analele Dobrogei*. – Serie noua. – Anul. V. – № 2. – Constanta, 1999. – P. 110; *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). – М., 1993. – С. 190; *Троцкий Л., Раковский Х.* Очерки политической Румынии. – М., 1922. – С. 95.
- (2) Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). – Ф. Канцелярия. – Д. 1885. – Л. 108–111 об.
- (3) *Кутузов в Дунайских княжества* // Сб. док-тов. – Кишинев, 1948. – С. 89.
- (4) *Кутузов М.И.* Сб. док-тов. – М., 1952. – Т. III: 1808–1812. – С. 653.
- (5) *Внешняя политика России XIX и начала XX в.* – М., 1962. – Т. 6: 1811–1812 гг. – С. 10.
- (6) Российский государственный архив в СПб. (РГИА). – Ф. 1308. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 114–117.
- (7) *Melinte V., Cernenchi E.* Unele aspecte din istoria crearii institutiilor autoadministrarii locale in Chisinau (1812–1918) // *Revista de istorie a Moldovei*. – Chisinau, 2009. – № 4 (80). – P. 215; *Ириной (Тафуня), иг. Митрополит Гавриил (Бэнулестку-Бодони)* основатель Кишиневско-Хотинской епархии. Изд-во Ново-Нямецкого монастыря, 2009. – С. 167.
- (8) *Батюшков П.Н.* Бессарабия. Историческое описание. – СПб., 1892. – С. 150–154.
- (9) *Накко А.* Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. // *Записки Одесского общества истории и древностей*. – Одесса, 1900; *Boldur A.* Autonomia Basarabiei sub stapanirea ruseasca in 1812–1828. – Studii. Chisinau, 1929; *Гросул Я.С.* Автономия Бессарабии в составе России (1812–1828 гг.) // *Гросул Я.С.* Труды по истории Молдавии. – Кишинев, 1982. – С. 110–234.
- (10) *Кассо Л.А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. – М., 1913; *Сурилов А.В.* Общественное устройство и управление Бессарабией первой половины XIX в.: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 1953; *Анцупов И.А., Жуков В.И.* Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 г. // *Ученые записки Кишиневского государственного университета*. – Кишинев, 1957. – Т. 26. – С. 145–159; *Морозан В.В.* Формирование и деятельность административных органов управления в Бессарабской области в начале XIX в. // *Клио. Журнал для ученых*. – СПб., 2005. – № 1 (28). – С. 125–134; № 2 (29). – С. 152–161; *Федоров Г.К.* Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812–1917 гг.). – Кишинев, 1974.
- (11) *Гросул В.Я., Будак И.Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). – Кишинев, 1967.
- (12) *Накко А.* Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. – Одесса, 1879. – Т. XI. – С. 14.
- (13) См.: *Гросул В.Я.* Российский конституционализм за пределами России // *Отечественная история*. – 1996. – № 2.

- (14) *Чарторыйский А.* Русский двор в конце XVIII и в начале XIX столетия. 1795–1803. – М., 2007. – С. 166.
- (15) Любопытно, что еще 6 марта 1812 г. митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони переслал Александру I проект П.Х. Безака, в котором шла речь о создании в Дунайских княжествах особой комиссии «подобно той, которая существовала в Финляндии» и в котором перечислялись основные принципы административного строительства в крае (*Морозан В.В.* Формирование и деятельность... – № 1 (28). – С. 129).
- (16) *Вигель Ф.Ф.* Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. – СПб., 1823. – С. 7.
- (17) *Морозан В.В.* Формирование и деятельность... – № 1 (28). – С. 128; *Jarcutchi I., Mischevca V.* Pacea de la Bucuresti. – Chisinau, 1993. – P. 184.
- (18) *Barcaru S.* Consideratii privind institutiile administratiei locale din Basarabia reflectate in actele legislative rusesti din anii 1812–1837 // Revista de istorie a Moldovei. – Chisinau, 2009. – № 4 (80). – P. 71.
- (19) *Ари Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. – М., 1976. – С. 16, 18, 36.
- (20) *Кассо Л.* Россия на Дунае... – С. 197–198.
- (21) См.: *Захария С.К.* Влияние российского законодательства на судоустройство и судопроизводство Бессарабии 1812–1869 гг.: Автореф. дисс. ... д.и.н. – Кишинев, 2003.
- (22) Записки Бессарабского статистического комитета. – Кишинев, 1868. – Т. III. – С. 108–115.
- (23) *Гросул Я.С.* Российский конституционализм... – С. 151.
- (24) *Цвиркун В.* Участие молдаван в Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. // *Tvircur V.* Vitralii. Витражи. – Chisinau, 2006. – С. 231–242.
- (25) *Гросул Я.С.* Российский конституционализм... – С. 151.
- (26) РГИА. – Ф. 1308. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 9.
- (27) *Накко А.* Очерк гражданского устройства... – С. 9.
- (28) *Заблоцкий-Десятковский А.М.* Граф П.Д. Киселев и его время. – СПб., 1882. – Т. 1. – С. 31–33.
- (29) РГИА. – Ф. 1308. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 15–17.
- (30) *Кассо Л.* Россия на Дунае... – С. 203; *Гросул Я.С.* Крестьяне Бессарабии (1812–1861 гг.). – Кишинев, 1956. – С. 140.
- (31) Цит. по: *Стадницкий А.* Гавриил Банулеску-Бодони, экзарх молдо-влахийский (1808–1812 гг.) и митрополит Кишиневский (1813–1821). – Кишинев, 1894. – С. 281–282.
- (32) *Гросул Я.С.* Автономия Бессарабии... – С. 167.
- (33) ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 223. – Д. 32 (1867 г.). – Л. 224; Д. 33 (1868 г.). – Л. 281.
- (34) *Мещеряков И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. – Кишинев, 1957. – С. 11.
- (35) Там же.
- (36) *Гросул Я.С.* Крестьяне Бессарабии... – С. 53.
- (37) *Анципов И.А., Жуков В.И.* Реформы в управлении Бессарабией... – С. 151; *Гросул Я.С.* Автономия. – С. 157–158.
- (38) РГИА. – Ф. 1308. – Оп. 1. – Д. 2 (1816 г.). – Л. 1–5.
- (39) *Стадницкий А.Г.* Гавриил Банулеску-Бодони... – С. 289.
- (40) *Postarencu D.* Comitetul provizoriu regional al Basarabiei // Revista de istorie a Moldovei. – Chisinau, 2009. – № 4 (80). – P. 78–79.

- (41) *Афтенюк С.Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. – Кишинев, 1971. – С. 14, 103.

ORIGINS OF BESSARABIAN AUTONOMY AS PART OF RUSSIA

V. Ya. Grosul

Center History of Russia in 19th century
Institute of Russian History
Dm. Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 115036

The article considers the origins of Bessarabian autonomy as a part of Russia. The author analyzes the historical evolution and peculiarities of Bessarabian administrative structure as it was a very important political and strategic region for Russia.

Key words: Russia, Bessarabia, Moldavia, autonomy, moldovenization, Russian-Turkish wars.